

Письмо А.В. Луначарского Н.П. Горбунову об ученых

от 9 марта 1921 г.

В Управление делами Совнаркома
тов. Н.П.Горбунову

В ответ на секретное отношение Управдела Совнаркома за № 2244 сообщаю, что сейчас могу прислать отзыв о личных впечатлениях моих о некоторых из этих ученых, с которыми приходилось иметь дело, об остальных будут собраны мною сведения через Научный отдел в недельный срок.

Вице-президент академии наук СТЕКЛОВ - выдающийся математик, крайне симпатичный человек; выступил в миролюбивом и даже почти советском духе еще на первом митинге интеллигенции, созванном Зиновьевым и мною в Петрограде. Все время держится чрезвычайно лояльно, сторонник радикальной реформы и демократизации Академии наук.

Академик ИОФФЕ - недавно избранный. Об избрании такого радикального в политическом отношении человека и еврея в Академию в старое время не могло быть и речи, между тем Иоффе замечательный физик, в особенности в области рентгенологии и теории строения атомов. Недавно издал прекрасный учебник молекулярной физики. Состоит вместе с выдающимся врачом организатором Неменовым директором нашего Института рентгенологии и радиологии, целиком созданного революцией и уже приобретшего европейскую известность.

Академик КОНИ пожелал познакомиться со мною еще в начале 1919 г. Мы имели с ним большой разговор, в котором он высказался чрезвычайно дружески по отношению к новому режиму, от души желал успеха новой России, говоря, что только такой «свирепо-радикальный» переворот и переход власти в руки одновременно смелых и близких народу людей и в то же время знающих, что в России «без силы авторитета ничего не сделаешь», - был единственным выходом из создавшегося положения. Кони говорил мне тогда: «между монархией и

большевизмом решительно ничего жизнеспособного не вижу». С тех пор Кони принимал участие в качестве лектора в разных наших учебных заведениях, например, в Институте Живого Слова, выступал с разными воспоминаниями и окрашивал их неизменно в более или менее симпатичный для Советской власти дух. КОНИ предлагал даже через меня Л.Р. Менжинской организовать группу старых маститых литераторов и ученых, стоящих приблизительно на той же точке зрения (Таганцев принадлежал к ним) для внешкольной работы, но Л.Р.Менжинская не воспользовалась этим предложением.

Академик ПЛАТОНОВ -ума палата. Сейчас, кажется, избран в президенты Академии, замечательный историк, правых убеждений. Несмотря на это, сразу стал работать с нами, сначала управлял архивом Наркомпроса, потом был привлечен Рязановым в качестве своего помощника по управлению архивами в Петрограде, а сейчас управляет ими более или менее единолично под общим контролем М.Н. Покровского. Держится в высшей степени лояльно и корректно.

ФЕРСМАН как ученый не представляет из себя большой величины. Это так сказать фактотум Академии, человек шустрый, всюду ездит, у всех бывает, знает все лазейки и шнурочки Советской власти; с внешней стороны чрезвычайно доброжелателен, из тех, которые того и гляди вскочут в коммунистическую партию; но настоящего доверия и уважения не внушает.

Академик ЩЕРБАТСКИЙ - превосходный ученый, за время революции написал замечательную брошюру о буддизме, где подходит к буддизму с социалистической точки зрения (отказ от личного эгоизма и личного имущества, обретение душевного покоя и радости в общественной гармонии). Как человек весьма передовой и симпатично относящийся к Советской власти, был отпущен нами за границу с поручениями Академии наук. За границей вел себя исключительно лояльно. Дал несколько заметок по положению науки в России, совершенно корректных и безукоризненных. Написал несколько официальных писем Наркомпросу с отчетом о своих впечатлениях. Собирается вернуться на днях в Россию со всякими научными новостями.

Академик БЕХТЕРЕВ - крупный ученый. Уклон его научных исканий интересен, так как относится к области физиологии и психологии труда и научного распознавания

способностей и склонностей. Соответственно этому делал доклад на последней конференции по научному обследованию труда. Выдвинулся в Петрограде как один из советских ученых. Рядом с этим, однако, надо сказать, что этот организатор самого демократического высшего учебного заведения в России, именно Психоневрологического института - великий пролаза, любил действовать через всяких высоких княгинь, лебезил перед Распутиным, потом перед Керенским. После переворота немедленно явился ко мне с визитом и вел себя до противности униженно. За широкими научными интересами, ходатайствами о судьбе своего учебного заведения всегда стоит все-таки личный карьеризм и личные выгоды.

Может быть употреблен с большой пользой, но увлекаться им не следует. Некоторый дух авантюризма и легкого шарлатанства, несмотря на европейское имя, имеется и в его научных трудах, по отзывам серьезных исследователей.

Академик Александр БЕНУА - тончайший эстет, замечательный художник и очаровательнейший человек. Приветствовал Октябрьский переворот еще до Октября. Я познакомился с ним у Горького, и мы очень сошлись. После Октябрьского переворота я бывал у него на дому, он с величайшим интересом следил за первыми шагами нового режима. Он был один из первых крупных интеллигентов, сразу пошедших к нам на службу и работу. Однако постепенно он огорчался все больше: жизненные невзгоды, недовольство коммунистами, поставленными для контроля над всей музейной работой, вызывали в нем известное брюзжание, постепенно перешедшее даже в прямое недовольство. Думаю, что сейчас он другом Советской власти не является, тем не менее, он как директор самой важной части Эрмитажа (Средневековье и эпоха Возрождения) приносит нам огромные услуги. Вообще человек драгоценнейший, которого нужно всячески беречь. В сущности говоря, европеец типа Ромена Роллана, Анатоля Франса и других. Тов. Зиновьев и т. Лилина, кажется, в последнее время делают шаги к улучшению его положения, что, вероятно, разгладит морщины на его эстетическом челе.

КУСТОДИЕВ - весьма демократически настроенный и по-своему великий художник, думается - крупнейший из мастеров живописи, имеющийся сейчас в России. Знаю, что в последнее время страшно бедствовал. Когда это было доведено до моего сведения - я принял все меры к улучшению его положения, не знаю, достаточны ли они. Всегда был демократом с эсеровским налетом, как теперь - не знаю.

Академики - РОМАНОВ, ЩУКО, ФОМИН, ПЕРЕОБРАЖЕНСКИЙ: более или менее выдающиеся (особенно Фомин) архитекторы. Все стали служить у нас чуть не с первого дня революции. Очень симпатизируют лично мне: я и привлек их на работу. Тонкие интеллигентные натуры, конечно, с разными характерами и темпераментами. Люди, с которыми очень легко можно кашу сварить, если только кормить их хотя бы даже той же кашей, что не всегда бывает.

Профессор ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ - директор Политехнического института, замечательный ученый чисто американского типа; в Америке, кажется, главным образом получил и свою высокую квалификацию. Устремления кадетского; тем не менее, при сговорах с профессорами хотя и стал во главе правой группы техников, но все же значительно левее университетских профессоров. Был, так сказать, руководителем центра, с которым разговаривать было можно. Очень умен и довольно хитер.

Литератор БЛОК, вероятно, поэт Александр БЛОК. После революции присоединился к левым эсерам. Был арестован во время разгрома левых эсеров после известного восстания в Москве. Очень скоро примирился с судьбой своих недавних друзей; сейчас директор большого Драматического театра, организованного М.Ф.Андреевой под знаком советским, для культивирования героического театра. С тех пор написал несколько вещей, из них блестящую поэму «12», где изображена революция в весьма мрачных и сентиментальных чертах. Написал, кроме того, книгу о Каталание. Вообще во всем, что пишет - есть своеобразный подход к революции: как-то смесь симпатии и ужаса типичнейшего интеллигента. Гораздо более талантлив, чем умен.

О большинстве остальных ученых знаю более или менее понаслышке, и поэтому не считаю нужным давать характеристики, подобные здесь приведенным.

Точные сведения об их научном значении и отношении к Советской власти постараюсь достать через неделю.

Нарком по Просвещению:
А.Луначарский
9/Ш-21 г.

[РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 129. Л. 23-26. Машинопись с подписью и правкой автора]